

ПИСЬМО

Они выдали нам первый бланк для письма. Это был лист со множеством инструкций на немецком и несколькими пробелами, оставленными для заполнения на итальянском. Правая половина листа предназначалась для ответа, и нужно было быть предельно внимательным, чтобы не перепутать правую и левую стороны, и писать разборчиво, карандашом по пунктирным линиям, в точности так, как предписывают международные конвенции по защите прав человека.

И еще они выдали нам купон, состоящий из двух частей, со строгими инструкциями на французском, и вторая, отрывная часть этого изобретательного почтового приспособления, наклеенная должным образом на посылку, упакованную в соответствии со всеми правилами, позволила бы этой самой посылке покинуть Италию и отправиться к месту нашего временного обитания.

Капитан Н. выразил обеспокоенность тем, что мы должны уложиться не более, чем в 24 строки. Капитан Ч. добавил, что, если предполагается, что, помимо всего прочего, мы должны вместить в эти 24 строки письма еще и подробные инструкции относительно упаковывания посылок, это сильно усложняет задачу. «Нужно стремиться к максимальной лаконичности», - подытожил капитан М.

Мы сосредоточенно принялись за дело, сообщая друг другу о результатах наших изысканий по мере их продвижения.

Капитан Н., желая получить новости о том, как обстоят дела домашние и торговые, после недолгих раздумий, выдал первую гениальную формулировку: «Как делдом и делторг?». Речь шла о виртуозной лаконичности – и в этом капитан Н. мог составить достойную конкуренцию капитану Ч., который, желая, чтобы супруга положила ему в посылку

суконный мундир и шерстяной костюм, выразился изящнейшим образом: «Пришли сукмунд и шерстюм».

Мы единодушно пришли к выводу, что самое сложное – объяснить в нескольких словах как правильно упаковать прочный 5-килограммовый пакет, используя для этого купон для отправки, не кладя в этот пакет документы, медикаменты, горючие жидкости, и наоборот, позаботившись о том, чтобы в нем были, скажем, сигареты, табак, мука и цикорий.

Это была долгая работа, но результат того стоил: «Упрочните 5-кг пакет с ½ отправка без медокументов и горючего. Положите сигаретабак и цикормук».

И тогда я вспомнил столбцы газетных объявлений и присущий им слог, но не рассмеялся, напротив, думая о тех газетных страницах, я ощутил внезапную ностальгию.

О, серые сплоченные столбцы, причудливыми словами, кажущимися искромсанными скупым телеграфистом, вы сообщали нам о сорокалетних девственницах, стремящихся вступить в отнош-с-персп брака; о скромных квартирках, оснащенных эл-вод-отопл, жаждущих сдать госслужащим б/в/п и б/жив. О, серые столбцы, вы рассказывали нам об автомобилях по супервыгодной цене, плавно скользящих по асфальтовым берегам небесно-голубых озер; о токарных станках, нетерпеливо ожидающих своего часа в шумных мастерских; вы рассказывали нам о самых надежных агентствах и самых выгодных предложениях; о приличных гостиницах и вакантных должностях. Ваши странные слова всегда вызывали у меня улыбку, но сейчас, вспоминая вас за забором из колючей проволоки, я чувствую легкую ностальгию. О, серые страницы, чуднѳе читиво по десять лир за строку, теперь я понимаю, что в вас жила ваша собственная поэзия: пульсирующая поэзия, мощный ритм – поэзия труда, ритм самой жизни.

Услышав странные слова, придуманные для наших писем, я подумал о серых газетных страницах, и о ритме, который сегодня был прерван. Сегодня у меня перед глазами другая страница, совершенно белая, мертвенно

пустынная, с одним-единственным объявлением посредине, крошечным объявлением в одну строку, полную безумия и отчаяния: «Каждый вечер мальчик ждет, что его папа вернется домой».

«Упрочните 5 кг-пакет с ½ отправка...».

Я вспомнил причудливые слова последней страницы «Коррьере»¹ далеких времен, вспомнил отнош-с-персп, эл-вод-отопл, б/в/п и б/жив. Но я не рассмеялся, я сказал, что это отличная формулировка, и что я позаимствую ее и для своего письма. Потом я покинул наше собрание и начал заполнять маленькими-премаленькими буквами положенные мне 24 строки. Я писал карандашом, по пунктирным линиям, в точности так, как предписывают международные конвенции по защите прав человека.

«Синьора, упрочни 5 кг-пакет с ½ отправка без документов и горячего, пришли мне шерстюм, сигаретабак и сушенкашт. А впрочем, если ты сочтешь, что хорошо приготовленные каштаны будут полезнее мальчику, не отправляй их мне. У меня все есть, я ни в чем не нуждаюсь. Попрошу тебя лишь об одном: вечером накануне Рождества накрой по-настоящему праздничный стол: достань из коробок столовые приборы и хрусталь, выбери лучшую расшитую скатерть. Поставь большущую елку со множеством свечей, и с особой тщательностью позаботься о рождественском вертепе – у окна, как в прошлом году. И зажги свет, зажги его повсюду.

«Синьора, я так нуждаюсь в том, чтобы ты это сделала. Каждую ночь мои мысли прорываются сквозь колючую проволоку, я знаю, тебе сложно себе представить мысль, прорывающуюся сквозь проволоку, мысль – это дуновение пустоты и отсутствие обличия. Но тогда представь, что это я, я сам каждую ночь миную это ограждение, представь Джованнино, невесомого как сновидение и прозрачного как ветер зимних ночей, морозных и ясных.

«Каждую ночь, пока все спят, я отдаюсь воле ветра и стремглав проношусь над чужими землями и незнакомыми городами, бескрайними и

¹ Corriere della sera («Вечерний вестник») – ежедневная газета, одна из самых популярных в Италии, издается с 1876 г.

безмолвными. Подо мною тьма и тоска, а я отчаянно ищу света и безмятежности. Я вижу статую Девы Марии на шпиле собора, но улицы и площади уже не те, что раньше, и мне с трудом удастся отыскать наш четвертый этаж.

«Синьора, я вхожу в дом через крышу, но не называй меня безумцем, напротив, взгляни, как я осторожничаю, не рискуя подниматься по тем руинам, что были когда-то лестницей. И потом, крыша сорвана – и это значительно упрощает дело. Я нахожу лишь скелет, оставшийся от нашего жилища, и я пытаюсь отыскать наши воспоминания, скрытые под обломками рухнувших стен. И здесь все те же тьма, тоска и холод, и только когда луна приходит мне на помощь, я могу разглядеть на лоскутах обоев, свисающих еще кое-где со стен, светлые квадраты – топографию нашей мебели.

«По пустынным улицам бродит лишь страх, облеченный в луну. Я замечаю крохотный цветок на клочке обоев в бывшей прихожей. Станный черный цветок с пятью лепестками. Синьора, помнишь, как озорник Альбертино украшал стены наши комнат ладошкой, испачканной китайскими чернилами? Напрасно я ищу следы счастливых дней среди кабинетных стен. Стен больше нет. И на месте громадного здания лишь груды цемента, почерневшего от дыма.

«Я бегу из темного и безмолвного города в те места, где мы встретились совсем еще юными. Но и здесь та же щемящая тоска, и в конце концов я укрываюсь в лачужке, где в беспорядке громоздятся мои последние пожитки и мои первые переживания. Ты спишь, Альбертино спит, спят мои мать и отец.

«Все спят и, быть может, во сне пытаются найти мое неведомое, далекое убежище. Наша мебель свалена как попало в маленьких комнатах, погруженных во тьму, а на чердаке пылятся ящики с моими книгами – и слова в них скованы льдом.

«Синьора, я хочу обрести хоть немного света, немного тепла и безмятежности, но нахожу лишь тьму и холод, и я не могу разглядеть в этой

тьме лица моего сына, а у воды и на побережье все замерло, все в запустении и безмолвии, и я отправляюсь обратно за забор из колючей проволоки, я возвращаюсь на свой соломенный матрас под номером 6865 – и на нем не укрыться от пробирающего до костей холода.

«Синьора, мне нужно, чтобы хотя бы в канун Рождества мои мысли, прорвавшиеся сквозь проволоку, могли найти себе пристанище, теплое и светлое. Я хочу, чтобы свет был повсюду: я хочу вновь увидеть твое лицо, я хочу увидеть лицо былой безмятежности. Чего еще желать заключенному?»

Тут у меня возникло ощущение, что мои 24 строки подходят к концу, и я прервался. Оказалось, я заполнил не 24, я заполнил 138 строк: я заполнил 24, предназначенные мне, 24, предназначенные для ответа, и еще 5 листов, оказавшихся рядом. Очень аккуратно я стер все написанное и начал с самого начала:

«Синьора, упрочни 5-кг пакет с ½ отправкуп без медокументов и горючего, пришли шерстюм и сигаретабак...»

Потом я подумал, что цензура наверняка заподозрит в «5-кг пакете» какую-нибудь взрывчатую дрянь, и с грустью заключил, что так каждый раз: соберешься писать домой – и никогда толком не знаешь, что сказать.

Из беседы «Рождество 1943-го» – Лагерь Бениаминов, 24 декабря 1943.